Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 10. ИЗДАНІЯ ГОДЪ XVI.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ВСѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ для журнала „Шутъ", КРОМѢ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ, принимаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

5 Марта 1894 г. № 10.

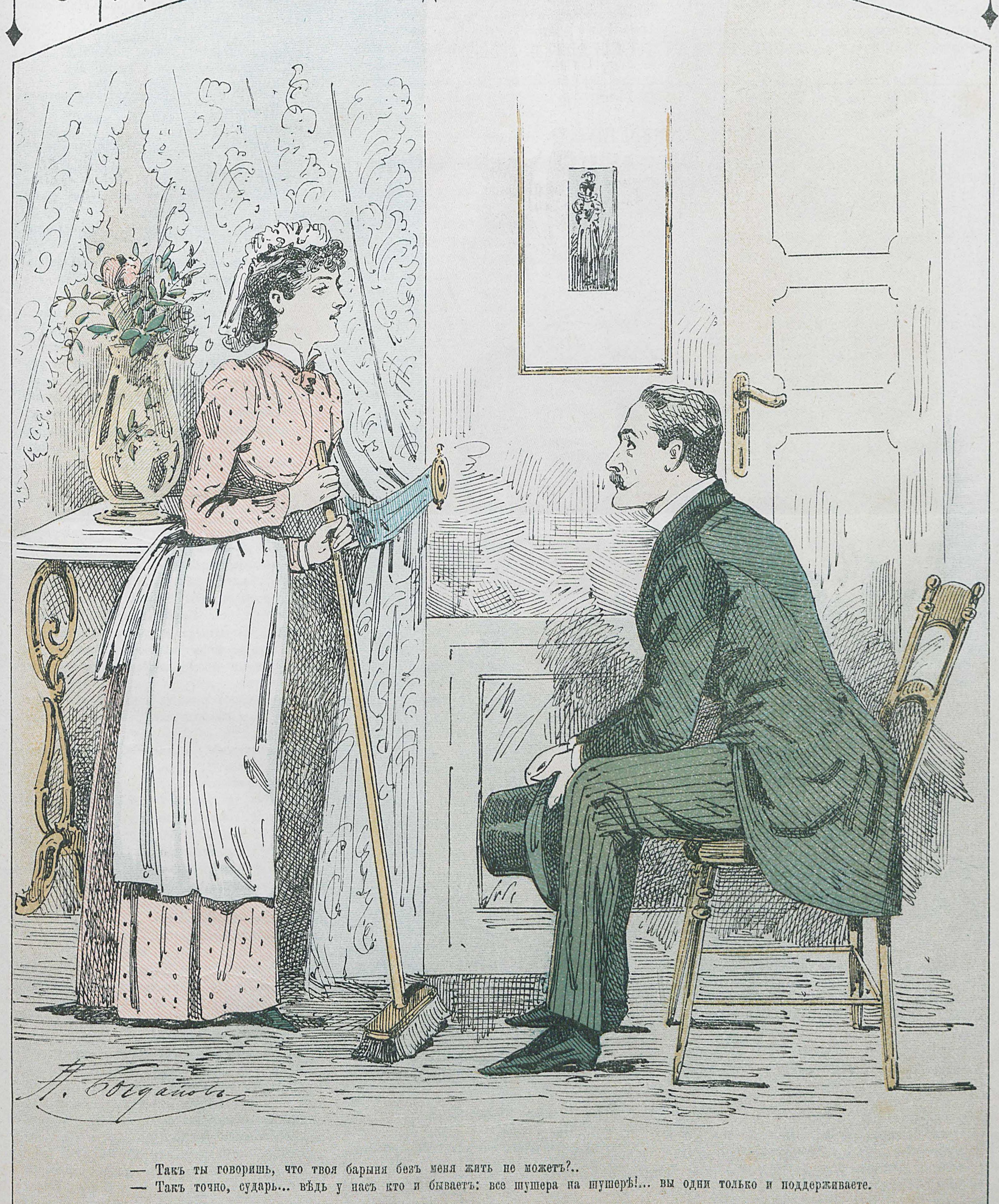
Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17.
Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

ДОПРОСЪ.

— Такъ ты говоришь, что твоя барыня безъ меня жить не можетъ?..
— Такъ точно, сударь... вѣдь у насъ кто и бываетъ: все шушера на шушерѣ!... вы одни только и поддерживаете.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА“.

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Ростовщицъ и ростовщиковъ нынче всплываетъ на свѣтъ Божій больше, чѣмъ таракановъ въ любой булочной.

Можно предположить, что скоро всѣ газеты будутъ заполнены только отчетами о разбирательствѣ дѣлъ ростовщиковъ.

Пигулевскій сидитъ и посвистываетъ:

— А все-таки я первый... Вы, нынѣшніе, нутка!

Предполагаемъ для скорости въ газетахъ завести стереотипъ съ изложеніемъ дѣяній ростовщиковъ, оставивъ мѣсто только для фамиліи кровопійцевъ.

А суть дѣла у всѣхъ одна и та же: 48% годовыхъ, двойной вексель, поручительство и такъ далѣе...

И на эту удочку попадались несчастные?!

О, sancta simplicitas!

* * *

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Хр. Хр. КРЮГЕРЪ.

По поводу 30-ти лѣтія дѣятельности его въ Спб. Обществѣ Взаимнаго Кредита.

— Здорово, ребята!.. спасибо за службу!
— Рады стараться, Христіанъ Христіановичъ!

Юбилей Тараса Шевченко.

Вполнѣ понятное чествованіе великаго украинскаго поэта!

Но больше всѣхъ волнуется „Мітя Мордовцівъ“.

„Мітя Мордовцівъ“ уже теперь радостно притоптываетъ каблуками и поетъ подъ сурдинку:

Гопъ, гопъ, гопака!
Я пійду до кабака“...

Почтеннѣйшій Микѣшинъ тихонько подтягиваетъ ему, ободряемый прочими „хохлами“.

И у всѣхъ въ мечтахъ носятся и великій украинскій поэтъ, и великое малороссійское сало!

Одно слово,—

... Гопъ, мои гречаники...

И больше ничего!

* * *

Еще немного, и мы побѣжимъ интервьюировать В. И. Прибыткова.

Помилуйте!

О спиритизмѣ опять заговорили во всѣхъ углахъ.

Неаполитанка Евзапія Паладино, да еще какая-то гельсингфорсская „медіумъ“ — не даютъ покоя нашимъ „спиритологамъ“.

Они кричатъ, они горячатся, они захлебываются...

— Да вѣдь это полнѣйшая дематеріализація!

— Вотъ и фотографія... Спеціально для „Петербургской жизни“ воспроизведена...

— Смотрите, смотрите, у Евзапіи двѣ головы... И одна голова съ усами...

— О! это апогей спиритическихъ явленій!

Пока такъ разсуждаютъ люди, толкъ въ чертовщинѣ понимающіе, мы, обыкновенные смертные, хлопаемъ и глазами и ушами, и невольно задаемъ вопросъ:

— Духи или не духи?.. Мудрый Эдипъ, разрѣши!

Вопросъ, интересный во всѣхъ отношеніяхъ.

* * *

Ротшильдъ въ Вѣнѣ долженъ быть польщенъ до чрезвычайности.

И не какой-нибудь Ротшильдъ, а именно— Ротшильдъ въ Вѣнѣ...

Ибо его банкирскій домъ предпочтенъ даже Генриху Блокку!!

Вотъ въ чемъ суть:

Петербургъ съ Парижемъ рѣшилъ сыграть шахматный матчъ по телеграфу.

Всѣ условія были выяснены и приняты, но вдругъ явилось затрудненіе относительно *храненія ставокъ.*

Никто не хотѣлъ довѣрять денегъ другъ другу.

Петербургъ ставилъ на видъ Парижу „Banque d'escompte“.

Парижъ кололъ глаза Петербургу — „Коммисіоннымъ банкомъ“.

И изъ-за этого чуть-чуть не разошелся матчъ.

Но тогда явилось предложеніе, чтобы ставки хранились у Ротшильда въ Вѣнѣ...

Какая честь для Ротшильдовъ, и какая „непріятность“ для Генриха Блокка!

Совсѣмъ новый и небывалый „шахматно-тройственный союзъ“...

* * *

Зимній сезонъ окончился.

Начинается новый, — такъ сказать — „демисезонъ“.

Итоги прошлаго:

Пальмъ. — Эхъ! Кабы мнѣ всю зиму играть „Обозрѣніе“!

Неметти. — Съ „Меблированныхъ комнатъ“ доходъ лучше, чѣмъ отъ театра.

Дарскій. — Ахъ, шиши, шиши, шиши!
Вотъ тебѣ и барыши!

Бернаръ. — Обѣщалъ „Фальстафа“ и „Демона“... Ничего не далъ и цѣлъ остался!

Остальные. — Еще одинъ сезонъ съ плечъ свалили, и слава Богу!

. . . .

Что будетъ въ будущемъ — увидимъ, господа!

Шутъ 2-й.

ПѢСНИ О ПРОВИЗІИ.

I

Одинъ былъ свѣтъ въ окошкѣ—
Поѣсть! Прошла та честь!
Теперь телячьи ножки
Лишь Ротшильду поѣсть!
И вскорѣ понемножку
Въ кухмистерской,—глядишь,—
Дадутъ въ сметанѣ кошку,
Иль въ постномъ маслѣ шишъ!..

II

Я, бывало, ходилъ джентельмэномъ,
При часахъ и въ енотѣ ходилъ,
Но меня поросенокъ подъ хрѣномъ,
Подъ капустою гусь погубилъ!
Хороши они были на блюдѣ,
Но по милости этихъ скотовъ
Я хожу—(возмутитесь, о, люди!)
Безъ енота теперь и часовъ!..

Мрачный Штурманъ.

ПЛАЧЪ ГРОБОВЩИКОВЪ.

— Ну, что, почтеннѣйшій, какъ дѣла?

— Плоховато: ужъ больно много нашего брата развелось. Въ настоящее время, ежели, къ примѣру, какой человѣкъ умретъ, такъ его по крайней мѣрѣ десять гробовщиковъ хоронить желаютъ-съ. Теперича вся надежда на какую-нибудь повальную болѣзнь, а то хоть совсѣмъ дѣла ликвидируй!.. истинно-съ!.. Дозвольте, кстати, нѣсколько адресковъ нашей фирмы вручить-съ: просимъ покорно распространить среди знакомыхъ... Премного благодарны будемъ и, въ случаѣ чего, довѣріе оправдаемъ-съ...

Базиль.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Римъ.—Вслѣдствіе возвышенія налога на соль итальянцы ужъ не острятъ болѣе.

Римъ.—Газета „Allegro con fuoco“ весьма основательно трактуетъ о невозможности сокращенія итальянской арміи. „Вслѣдствіе непомѣрныхъ налоговъ на удовлетвореніе военнаго бюджета“, говоритъ газета, „у современнаго итальянца такъ подвело животъ, что онъ не можетъ представлять изъ себя настоящей боевой единицы. Чтобы получилась настоящая боевая единица, нужно взять по крайней мѣрѣ пять такихъ одровъ. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о сокращеніи итальянской арміи!“.

Лондонъ. — По случаю принятія лордомъ Розбэри кормила правленія нѣсколько лордовъ порѣшили съ радости приступить къ генеральному запою при закрытыхъ дверяхъ.

ИЗЪ ГИШПАНСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Убившій сто сорокъ четыре быка,
Донъ Уго, лихой матадоръ,
Прекрасной Инесѣ, склонившись слегка,
Лепечетъ таинственный вздоръ:
„Я чувствую: мнѣ угрожаетъ бѣда,
Я въ дракѣ съ быками помру.
Инеса, ко мнѣ на могилу тогда
Съ цвѣтами приди поутру“...
Головкой склонившись на грудь къ храбрецу,
Инеса лепечетъ ему:
„Я трауръ надѣну—мнѣ трауръ къ лицу—
И вѣеръ съ собою возьму.
Приду на могилу твою въ тишинѣ
Съ печалью глубокой въ груди.
Исполню все, Уго, но только ко мнѣ
При жизни ты самъ не ходи.

Р. Эспада.

ПЛАЧЪ ДРАМАТУРГОВЪ.

(сценка).

Два драматурга, Петербургскій и Московскій, сидятъ одинъ противъ другого пригорюнившись. Вдали слышенъ свистъ вѣтра, похожій на свистъ публики.

Петерб. драм.—А у насъ Крыловъ пьесы кромсаетъ!

Моск. драм.—А у насъ актеры и актрисы.

Петерб. драм.—У насъ Крыловъ!

Моск. драм.—А у насъ Южинъ! Ѳедотова! Ермолова! Вонъ сколько!..

Петерб. драм.—А у насъ Крыловъ!..

Моск. драм. — А у насъ для Ѳедотовой нужно прилаживать въ пьесѣ *сухой смѣхъ*, для Ермоловой *истерику*, а для Южина *гишпанское выкрикиванье*.

Петерб. драм.—А у насъ Крыловъ!

Моск. драм.—У насъ каждому артисту роль по мѣркѣ, точно сюртукъ или панталоны, подгоняй!.. Суньси-ка?..

Петерб. драм. (плачетъ).—А у насъ Крыло-о-овъ!..

Бумъ-Бумъ.

БАСНЯ.

Михневичъ, Оквичъ да В. Стасовъ
Съ поклажей возъ везти взялись,
И трое всѣ въ него впряглись
И завопили на семь гласовъ.
О философіи маркизъ немножко толковалъ,
В. Стасовъ зло критиковалъ,
Михневичъ же о томъ о семъ
Навралъ безбожно обо всемъ.
А басни всей нравоученье
Въ одномъ прекрасномъ изреченьи:
„По моему, ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй!“

Симоне Харроне.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

„Сытое брюхо къ ученію глухо“, говоритъ народная мудрость... Pardon, mesdames, за нѣкоторую грубость выраженія, но „изъ пѣсни слова не выкинешь“, говоритъ другая русская пословица.

Дѣйствительно, какое просвѣтлѣніе „головного воображенія“ является при пустомъ желудкѣ, это смѣло могутъ засвидѣтельствовать россійскіе актеры въ посту.

Мрачная, небритая физіономія провинціальнаго трагика, забредшаго въ столицу, въ посту принимаетъ обликъ вдохновеннаго Саванароллы:

— Вавилонъ, Содомъ, Гоморра! О, измельчавшее человѣчество... Икъ... икъ!.. Мнѣ, Любимъ-Протоколову, воплощавшему въ Дурандайскѣ и Глупококшайскѣ величайшіе образы мавра Отелло, Прокопія Ляпунова, атамана Лубы, — въ вашемъ болотѣ пришлось играть „Зайца“! Стыдитесь, людишки, чѣмъ вы живы?.. Икъ, икъ... каковъ вашъ репертуаръ? „Меблированныя комнаты Королева“, „Сыщикъ“, „Ни минуты покоя“. Фарсъ на фарсѣ и фарсомъ погоняетъ... Ужасно!.. Икъ...

— Вы бы съ вашимъ серьезнымъ репертуаромъ въ балаганы обратились, онъ у насъ на балаганахъ идетъ!..

— Позоръ! позоръ!! Обращался! Но оказался балаганный антрепренеръ — жидъ, такъ я ему такое слово сказалъ... Да, впрочемъ, онъ и самъ не принялъ, испугался: „штупайте шибѣ, иждѣсь въ контора не больсова дорога, штобы съ палкой ражгиваривать“. Каковъ, а?.. Это онъ про палку намекаетъ, которую я постоянно съ собой захватываю, когда иду съ антрепренерами объясняться... Икъ... икъ!..

Провинціальный актеръ правъ: ни одинъ сезонъ не былъ такъ скандаленъ, какъ прошлый— изъ фарса мы не вылѣзали, и серьезный репертуаръ можно было встрѣтить только на балаганахъ.

***

Въ столичномъ съѣздѣ дебютировали на-дняхъ двѣ дамы, опутавшія великое множество петербургскихъ чиновниковъ.

Эти дамы не „эти дамы“, и не бѣшеная любовь опутала худосочныхъ петербургскихъ чиновниковъ.

Современныя дамы ловятъ въ сѣти кавалеровъ не нарумяненными щечками, ни подведенными глазками, ни гутаперчевымъ бюстомъ— а векселями.

Вексель—это нѣчто посущественнѣе, чѣмъ амуры при лунѣ, и уже не соловей поетъ—а поетъ повѣренный, защищая науку въ юбкѣ.

Женщина - ростовщикъ — это, кажется, явленіе новое!..

— Такъ вамъ, мужчинамъ, и надо, вы мало обращаете вниманія на женщинъ! тараторитъ хорошенькая блондинка, стрѣляя глазами въ публику на разбирательствѣ дѣла г-жи Оводовой и Чистогановой.

— Простите, mademoiselle, я съ вами не согласенъ; на хорошенькихъ женщинъ мы, мужчины, обращаемъ чрезмѣрное вниманіе, и въ доказательство... Позвольте васъ просить позавтракать въ сосѣднемъ ресторанѣ... крутя усъ, подсаживается къ блондинкѣ нафабренный чиновникъ.

— Ха, ха... а, можетъ быть, я вампиръ не хуже Оводовой.

— Вампиръ, mademoiselle, гораздо безопаснѣе— онъ высасываетъ кровь, а такія дамы, какъ Оводова, высасываютъ деньги и векселя... Такъ ѣдемъ же?

Накрашенная г-жа Оводова въ ярко-красномъ костюмѣ со скамейки подсудимыхъ кидаетъ молніеносные взоры на говорящихъ.

Нѣтъ, женщина всегда останется женщиной!

***

Имѣемъ честь поздравить петербуржцевъ съ академической выставкой.

Въ самомъ дѣлѣ, художественныя выставки—это такое удовольствіе, съ которымъ можно поздравить, хотя нынѣшняя выставка не можетъ похвастаться ни количествомъ, ни качествомъ.

Передъ выставкой появился въ газетахъ слухъ, что новое академическое жюри забраковало картины профессоровъ Айвазовскаго, Мещерскаго и другихъ.

У-ла-ла!.. Этотъ слухъ оказался вздорнымъ, но тѣмъ не менѣе показываетъ, что старый академическій режимъ еще борется и не считаетъ своего дѣла проиграннымъ.

Нынѣшняя выставка болѣе чѣмъ на половину меньше предыдущихъ,—забракована большая часть присланныхъ произведеній, и толпы непризнанныхъ талантовъ въ „Золотомъ Якорѣ“ разносятъ „реальное“ направленіе.

Чудаки! Вчера гордились, что создали новые распорядки, а сегодня мечутъ въ нихъ громы.

Академическіе старожилы только улыбаются.

***

Когда въ провинціальный городишко пріѣзжаетъ циркъ, то разряженный персоналъ наѣздниковъ, наѣздницъ, жонглеровъ на лошадяхъ, предводительствуемый кувыркающимися клоунами, устраиваетъ тріумфальное шествіе по улицамъ города. Паяцъ тулумбаситъ въ тамъ-тамъ, или китайскій

— Наняла я, милая, дѣвчонку въ услуженіе. Кажи, говорю, аттестатъ... А она мнѣ какую-то бумагу суетъ,—взглянула я, голубушка, да такъ и сѣла! Какой, говорю, это у тебя аттестатъ—это любовное письмо. А она мнѣ, милая, на это, что бы ты думала, отвѣчаетъ: другого у меня аттестату нѣтути.

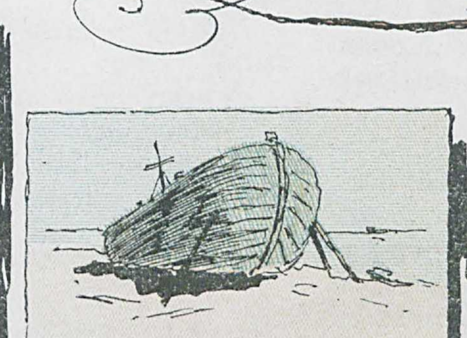
— Бѣдную, беззащитную жену всегда легко обидѣть; только ты, извергъ, на томъ свѣтѣ меня вспомнишь. Тамъ мои женскія слезы тебѣ, Ироду, отольются!..

Выставка въ Академіи Художествъ 1894 г.

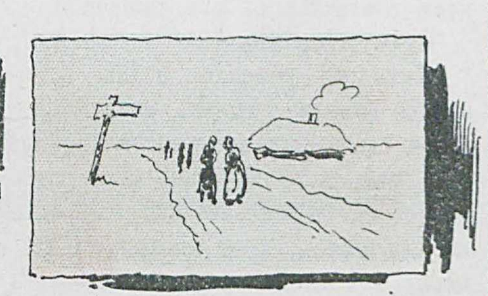
6. Новоскольцевъ, А. Н.

Опричники въ домѣ у Земскаго. Въ домѣ господина Земскаго необычайное происшествіе: на средину комнаты выползъ гигантскій червякъ, при видѣ котораго папа Земскаго тошнитъ, а maman со страху на кровать залѣзла; опричники же, какъ народъ бывалый, лущатъ себѣ водку; на переднемъ планѣ старыя олеографіи «Нивы» въ рамахъ... Во всякомъ случаѣ, картинѣ нельзя отказать въ оригинальности замысла...

13. Ткаченко, М. С.

Port Navalo, или старая расшива Калашниковскаго хлѣботорговца; порта никакого не замѣтили...

29. Крыжицкій, К. Я.

Декабрь. Вотъ онъ, Декабрь-то!.. Ну, гдѣ же намъ, грѣшнымъ, было узнать, каковъ онъ изъ себя, если бы не любезность художника!..

37. Пелевинъ, И. А.

Весело. Взялъ бояринъ, со скуки, бочку сороковую, поставилъ себѣ на колѣни — ему и весело...

38. *Невесело.* А вотъ у боярыни-то, должно, зубки разболѣлись — ну, конечно, ей и не весело. Браво, г-нъ художникъ!.. логика прежде всего!...

44. Щербиновскій, Д. А.

Въ мастерской. Отголосокъ холернаго сезона. Госпожа Холера забралась въ мастерскую г-на Щербиновскаго; самъ онъ, конечно, удралъ, оставивъ всѣ статуи и картины, которыхъ холера, однако, не беретъ...

85. Камаровъ, В. И.

Въ мастерской брата. Сестрица сидитъ передъ картиною братца.—«Ну, и мазня же у тебя, братецъ!»...—«Ничего, сестрица, отвѣчаетъ братецъ,—публика все слопаетъ!»...

73. Алексѣевъ, А. И.

Дѣвочка съ цвѣточкомъ. Послѣ такихъ «цвѣточковъ», каковы же будутъ «ягодки»?...

192. Вернеръ, А. В. Статуэтка.

У моря. Съ такими ножками всякое море будетъ по колѣно...

194. Оберъ, А. А.

Лисица съ пѣтухомъ. Странная игра природы, увѣковѣченная г-мъ Оберомъ: у нормально развитаго пѣтуха выросла третья нога и вросла въ тѣло лисы. Жаль, что музей Лента прекратилъ свое существованіе...

108. Творожниковъ, И. И.

Дѣвочка. Опять дѣвочка, но уже безъ цвѣточка... Везетъ на выставкѣ дѣвочкамъ!..

94. Оленина, В. А.

Крестьянская дѣвушка Рязанской губерніи. Вотъ ужъ воистину «не погибъ еще тотъ край», гдѣ родятся такія дѣвицы!.. Утѣшительно!

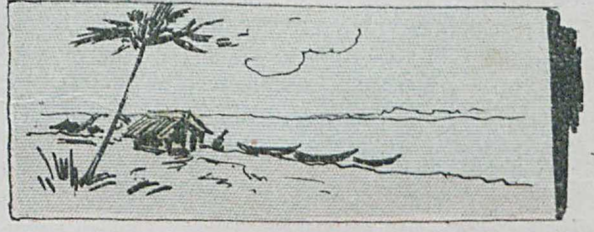
156. Ришоммъ.

Берега Эры. Дѣвица сидитъ на заборѣ и болтаетъ ножками. *Эры* не получается ни въ картинѣ, ни... въ искусствѣ...

102. Винцманъ, О. К.

«Что не подвластно мнѣ!» (Скупой рыцарь Пушкина)—ну, конечно же, живопись вамъ не подвластна, г-нъ Винцманъ!..

31. Таубе (баронъ).

Ночь въ Финляндіи. «Копія съ перекопіи», какъ сказалъ бы почтенный критикъ «Новаго Времени» г-нъ Буренинъ.

РАЕШНИКЪ.

Прошла недѣлька бѣдовая, масленица веселая, затихъ гвалтъ и шумъ, пора приниматься за умъ. Отъ выпивки и блиновъ не на шутку приходилось плохо желудку; и теперь еще многіе дышатъ тяжко и лежатъ больными въ растяжку.

Лѣчатся!..

А доктора съ визитами изъ дома въ домъ мечутся, чтобъ оказать помощь жильцу палаццо и каморки здоровымъ пріемомъ касторки. Хоть у нихъ и есть суды чести, но лишь задолжай кому рублей двѣсти—то за визиты съ тобой пойдутъ считаться въ судъ мировой.

Будь остороженъ!

Хоть на улицахъ полное отсутствіе снѣгу, однако это не мѣшаетъ рысистому бѣгу. На масленой была легкая дорожка и обидѣла тотошниковъ немножко. Особенно въ ихнемъ спорѣ обманулись они Реймоною на „Унеси-горе". Ѣхалъ, кажись, рысью, а не шагомъ, а не оставилъ соперниковъ за флагомъ.

Поди жъ ты!

Недѣля поста и покаянія прошла безъ театральнаго дѣянія. Теперь начинается концертный сезонъ, въ ушахъ раздадутся визгъ и звонъ. Иностранцы налетятъ отовсюду, чтобъ представлять русскому люду, одни актеры-русаки засвищутъ въ кулаки.

Съ голоду!

Балагуръ.

НАИВНЫЙ МУЖЪ.

— Странный мальчикъ! Совсѣмъ мулатъ какой-то... Ни на папу, ни на маму не похожъ!

— Да! Мы въ это время жили въ Африкѣ, такъ,знаете,вліяніе климата и отразилось на немъ...

Аб.

КАРИКАТУРА.

Режиссеръ за занавѣсью смотритъ въ дырку и считаетъ публику.

Режисс.—Разъ, два, три, четыре, пять, шесть... десять... двѣнадцать... (Обращаясь къ директору) Послушайте: публики всего на всего 12 человѣкъ... Не лучше ли отмѣнить спектакль?

Директ.—А какъ же мы поступимъ съ публикой?

Режисс.—Выдадимъ ей обратно деньги изъ кассы.

Директ.—Но этого невозможно сдѣлать!..

Режисс.—Почему?

Директ.—Потому что это все безплатная публика, по контрамаркамъ!!.

КЪ ГАЗЕТНОЙ ПОЛЕМИКѢ.

Стасовъ вмѣсто комплимента,
Отвѣчая въ „Новостяхъ",
Вдругъ названье „импотента"
Далъ Буренину на-дняхъ.

—

А Буренинъ, не смолкая,
Дикъ и злобенъ, какъ арабъ,
Всѣ приличья забывая,
Обозвалъ его: „Пріапъ"!..

—

Брань идетъ высокомѣрно,
Громы мечутъ свысока...
Вслѣдъ за этимъ ужъ навѣрно—
Мы услышимъ „гусака"!..

Кусь-Кусь.

МАЛЕНЬКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

— Какъ, Петръ Ивановичъ, вы опять безъ денегъ? Что же вы сдѣлали съ тѣми ста рублями, которые получили недѣлю тому назадъ?

— Ничего не сдѣлалъ. Дернула меня нелегкая развлечься и... благодаря этой дамѣ я лишился сразу всѣхъ своихъ денегъ.

— Какой дамѣ? Вы вѣдь человѣкъ семейный!

— Да не то совсѣмъ! Я не про какую-нибудь даму говорю, а про пиковую.

— Часъ отъ часу не легче! Насколько я васъ знаю, вы никогда раньше картъ даже въ руки не брали, а теперь...

— Фу, чортъ возьми! Поймите, наконецъ, что я вамъ про оперу „Пиковая дама" говорю. Пошелъ послушать ее, а у меня тамъ бумажникъ съ деньгами и вытащили изъ кармана.

Ганшпугъ.

ПѢСЕНКА ОСКУДѢВШАГО САВРАСА.

„Въ одной знакомой улицѣ"
Стоитъ веселый домъ.
Я тише мокрой курицы
Теперь бываю въ немъ;
А раньше съ ажитаціей
Скандалы тамъ чинилъ
И часто съ иллюстраціей
На личности ходилъ...
На чай давалъ по „катенькѣ",
Цыганъ поилъ виномъ.
Сто тысячъ послѣ тятеньки
Спустилъ я въ домѣ томъ.
Теперь хожу я голенькій,
Смѣшу крещеный людъ...
А этотъ домъ веселенькій
„Аркадіей" зовутъ!..

Мр. Шт.

гонгъ, и зазываетъ публику на представленіе. Нѣчто въ этомъ родѣ устроило на-дняхъ развеселое похоронное общество „Бюро".

По Невскому протянулась длиннѣйшая траурная процессія съ балдахиномъ, дрогами и парадными факельщиками со знаками „Бюро"...

Не хватало только самаго главнаго, а именно—покойника!

Прохожіе снимали шляпы, но затѣмъ, сообразивъ, что передъ ними одна изъ самыхъ возмутительнѣйшихъ рекламъ—чертыхались.

За хорошія дѣла насъ почему-то не принято награждать, но слава Богу, что хотя за худыя не забываютъ:

„Похоронное Бюро" оштрафовано за неумѣстную рекламу въ 300 рублей.

300 рублей не большія деньги для такой длинной процессіи.

Маленькое примѣчаніе:

Администрація „Похороннаго Бюро" при похоронныхъ процессіяхъ освѣщаетъ гробы электричествомъ.

Что сей сонъ означаетъ?

Кому нужно электричество?

Скоро будутъ, пожалуй, хоронить съ фейерверкомъ!

Что покойники молчатъ—это еще понятно, но почему не жалуются на безшабашныхъ рекламистовъ ихъ родственники — это, пожалуй, и немножко странно.

* *
*

Картинка съ натуры:

Молоденькая брюнетка въ роскошномъ будуарѣ, завернувшись въ шелковый пеньюаръ, ждетъ своего Сергѣя Петровича, вѣчно читающаго какія-нибудь лекціи на разныхъ засѣданіяхъ.

Звонокъ. Влетаетъ сіяющій Сергѣй Петровичъ.

— Поздравь, только что изъ залы засѣданія нашего общества, съ большимъ успѣхомъ прочиталъ свой рефератъ о „всеобщей ассенизаціи".

— Фу, фу... Не подходите... Не смѣй прикасаться...

— Но, милочка... это теорія...

— Ступайте вымойтесь... вотъ вамъ одеколонъ!.. Вчера пѣлъ баркароллу, а сегодня ас-се-ни-за-ція на умѣ!..

Сергѣй Петровичъ послушно моетъ руки, душится одеколономъ и затѣмъ цѣлуетъ хорошенькія ручки.

*
* *

Недавно появился новый журналъ подъ названіемъ „Базаръ".

Это совсѣмъ нѣчто „финдесіекль".

Эта новая бумага посвящена исключительно рекламѣ.

„Обширныя силы редакціи въ смыслѣ литературномъ и художественномъ", какъ говорятъ „базарные" строчилы, посвящены рекламированію панталонъ, мельхіоровой посуды, лампъ, сапоговъ и т. д.

Угодно вамъ, напримѣръ, рекламировать усовершенствованныя подтяжки, вы отправляетесь въ „редакцію" и совѣтуетесь съ редакторомъ.

— Ваше изобрѣтеніе настолько глубоко захватываетъ общественный интересъ, что, по моему мнѣнію, о вашихъ подтяжкахъ слѣдуетъ писать въ шестистопномъ ямбѣ, кстати позвольте и рекомендовать вамъ спеціалиста этого размѣра... Фе-до-ровъ!..

— Не можете ли вы моимъ болванамъ посвятить нѣсколько прочувствованныхъ передовицъ? щебечетъ молоденькая дамочка, тоже изъ просительницъ.

— Какимъ болванамъ?

— А видите ли, у меня фабрика болвановъ для портныхъ и парикмахеровъ...

— Имѣю честь... Сапожникъ Кукаляйненъ, думаю открыть сапожную мастерскую на большую ногу...

— Почему же только на большую ногу?

— Господинъ редакторъ, извольте получить оду „о мозольныхъ кружкахъ", только что окончилъ въ элегическомъ духѣ. Пермете авансомъ пять рублей до напечатанія...

Редакторъ морщится. Пошли дѣла семейныя... Дальше итти, кажется, некуда.

* *
*

Изъ рѣчи одного медицинскаго свѣтилы:

„Медицина шествуетъ по пути совершенствованія гигантскими шагами, хотя надо сознаться, что за послѣднее время открыто несравненно больше новыхъ болѣзней, чѣмъ новыхъ лѣкарствъ".

Такая откровенность въ медицинскомъ мірѣ большая рѣдкость.

Поздравляемъ Эскулапа.

*
* *

У мировыхъ судей ежедневно штрафуются по нѣскольку мясныхъ, мелочныхъ и иныхъ торговцевъ.

Вотъ одинъ изъ разговоровъ при разбирательствѣ дѣла въ камерѣ мирового судьи:

— Грязь, пыль, передники не чисты; за неопрятное содержаніе лавки штрафую васъ въ двѣсти рублей. Имѣете что возразить?

— Я, господинъ мировой судья, торгую оптомъ, а потому прошу скидки въ 20 процентовъ.

Сэръ.

— Чортъ побери эту масленицу — благородному человѣку на билліардѣ не съ кѣмъ было играть — блинами обжирались; теперь парятся, окаянные!.. просто хоть съ голоду умирай!..

— Ой, ой, ой! Больно, ой!
— На вотъ, на! Пей скорѣй!
— Что жъ ты холерное лѣкарство-то даешь? Я ногу накололъ!
— Все равно — холера кончилась, не бросать же лѣкарство, — мы не богачи, небось!

ПОКАЯНІЕ.

Анна Сергѣевна услышала звонокъ и пошла отпирать дверь. Она повернула ключъ, изъ двери пахнуло холодкомъ, и въ прихожую вошелъ Михаилъ Ивановичъ. Они поздоровались; Анна Сергѣевна сдѣлала ласковые глаза.

— Вотъ и отлично, что зашли! А я сижу одна, горничную отпустила на весь вечеръ, а Иванъ Петровичъ на вечернихъ занятіяхъ. Только что это вы, сударь, давненько къ намъ не заглядывали?

Михаилъ Ивановичъ снялъ шубу и — сконфузился. Онъ защипалъ маленькую бородку.

— Простите. Послѣ все разскажу вамъ; для этого и пришелъ.

Анна Сергѣевна подумала: „какой онъ съ мороза хорошенькій!“ и повела гостя въ пріемную. Она опустилась на диванчикъ, поправила складки мягкаго капота и пригласила Михаила Ивановича сѣсть рядомъ. Но молодой человѣкъ сѣлъ поодаль на стулѣ.

— Анна Сергѣевна, вы меня простите, но я не могу сидѣть рядомъ съ вами. Сегодня такіе дни, и я пришелъ, такъ сказать, покаяться; вообще, вы меня понимаете...

Молодой человѣкъ не договорилъ и покраснѣлъ снова. Анна Сергѣевна сдѣлала томные глаза. Въ комнатѣ горѣла лампа подъ краснымъ абажуромъ и бросала на блѣдное личико молодой женщины розоватый налетъ. Михаилъ Ивановичъ кашлянулъ въ руку.

— Видите ли, я страшно виноватъ передъ вами и передъ вашимъ мужемъ. Вы принимали меня какъ родного, а я, такъ сказать, лелѣялъ мечты, то-есть грезилъ, однимъ словомъ — былъ неравнодушенъ къ вамъ...

Анна Сергѣевна вспыхнула.

— Ахъ, это интересно... Продолжайте, продолжайте!

Михаилъ Ивановичъ завозился.

— Н-да-съ. Былъ, такъ сказать, неравнодушенъ къ вамъ и вообще позволялъ себѣ... Помните, разъ мы ужинали втроемъ: я, вы и Иванъ Петровичъ, и я пожималъ подъ столомъ вашу ножку? Вы думали, что это шалитъ Иванъ Петровичъ, и тоже пожимали мою, а оказывается, эти безобразія творилъ я!

Анна Сергѣевна вскинула глазами.

— Ахъ, какія же это безобразія, помилуйте...

Въ глазахъ молодого человѣка сверкнули слезы.

— Нѣтъ, Анна Сергѣевна, вы меня не утѣшайте. Я знаю, вы святая женщина, а я подлецъ! И я пришелъ къ вамъ просить прощенье... Теперь такіе дни, однимъ словомъ, вы меня понимаете... Повѣрьте, Анна Сергѣевна, что впредь этого не повторится...

Михаилъ Ивановичъ высморкался.

— Но повѣрите ли, Анна Сергѣевна, я былъ настолько неучтивъ, что неоднократно видѣлъ васъ во снѣ не совсѣмъ одѣтой... Теперь считаю долгомъ, Анна Сергѣевна, извиниться. Вообще, Анна Сергѣевна, я негодяй!

Анна Сергѣевна откинула голову къ спинкѣ дивана и показала великолѣпную шейку. Она лѣниво потянулась.

— Нѣтъ, отчего же... А я сегодня горничную отослала на весь вечеръ, и Иванъ Петровичъ, я думаю, не раньше какъ къ часу придетъ...

Она не договорила. Молодой человѣкъ упалъ передъ нею на колѣни.

— Анна Сергѣевна, голубушка, простите меня, мерзавца... Видите, я цѣлую край вашего платья? Видите, я прикасаюсь губами къ вашимъ шелковымъ чулочкамъ? Анна Сергѣевна, я плачу!.. Я прошу у васъ прощенье и буду просить у вашего мужа...

Анна Сергѣева подалась впередъ; ея глаза заволокло туманомъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же у моего мужа... У него еще рано... А я отпустила на весь вечеръ горничную...

— Простите, голубушка! Видите, я готовъ цѣловать весь день ваши ножки! Милая, простите меня, негодяя!

Михаилъ Ивановичъ услышалъ, что сердце Анны Сергѣевны бьется подъ его ухомъ. Молодая женщина лѣниво двинулась.

— А я отпустила на весь вечеръ...

Она не договорила. Михаилу Ивановичу показалось, что онъ сидитъ съ Анной Сергѣевной въ какомъ-то радужномъ мыльномъ пузырѣ и поднимается вмѣстѣ съ ней въ надзвѣздныя сферы.

Мрачный Штурманъ.

НИЧТО НЕ ВѢЧНО...

Бесѣдуютъ два пріятеля.

— Все превратно, другъ ты мой; всѣ радости и наслажденія въ сей бренной жизни скоротечны! Никогда они долго не продолжаются.

— Ужъ не по собственному ли опыту ты это знаешь?

— По собственному, къ сожалѣнію.

— А что?

— Да, видишь ли, попалъ я вчера вечеромъ къ однимъ знакомымъ. Сначала винтили, потомъ сѣли ужинать. Въ карты мнѣ не везло. Я былъ не въ духѣ и потому, съ горя, приналегъ на разныя вина и, въ скоромъ времени, пришелъ въ самое радостное и счастливое настроеніе... Но, что жъ ты думаешь? — дали они мнѣ выпить потомъ нашатырнаго спирта въ водѣ и обвязали голову мокрымъ полотенцемъ...

— И что же?

— Ну — и отрезвѣлъ сейчасъ же опять...

Ганшпугъ.

ДѢЛОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Очень бы мнѣ хотѣлось въ настоящее время удрать за границу, да вотъ бѣда: никакъ нельзя изъ Петербурга уѣхать!

— Дѣла удерживаютъ?

— Да, есть тутъ у меня одно дѣльце.

— Коммерческое, вѣроятно?

— Нѣтъ, не коммерческое, а,—такъ сказать, уголовнаго свойства... У мирового судьи оно должно на-дняхъ разбираться: нарушеніе общественной тишины и порядка, оскорбленіе дѣйствіемъ и прочее тамъ... Вслѣдствіе этого, вотъ и не могу за границу ѣхать: обязанъ, знаете, подпиской о невыѣздѣ изъ Петербурга...

Базиль.

За редактора издатель *Р. Голике.*

XVI годъ. О ПОДПИСКѢ **годъ XVI.**

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ,

„ШУТЪ“

НА 1894 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.:

На годъ	7 руб.
На 6 мѣсяцевъ	4 »
За границу	10 »

Разсрочка по соглашенію съ конторою.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.:

На годъ	6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	3 » 50 к.

Адресъ редакціи: Спб. Спасская, 17.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе ТРЕХСОТЪ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія).
Болѣе ТЫСЯЧИ карикатуръ—перомъ и карандашемъ.
Не менѣе СЕМИСОТЪ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.
ТЫСЯЧИ стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.
КАРИКАТУРЫ-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.
КАРИКАТУРЫ на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и и т. п.
ПОРТРЕТЫ выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:
„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ“.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ:

„ЦАРЕВИЧЪ МАЙ“

(СКАЗКА О ЛЮБВИ).

Текстъ Алёши Чудиловича.

10 ГЛАВЪ ВЪ СТИХАХЪ СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ.

За пересылку преміи приплаты не полагается.

Еще разъ напоминаемъ нашимъ корреспондентамъ, что на анонимныя и псевдонимныя письма редакція не отвѣчаетъ, возвращеніе рукописей не обязательно, а также, что пересылку неподходящаго для насъ матеріала въ другіе журналы редакція на себя не принимаетъ.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Марта 1894 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. 17.